

Меган Анджело
ПОДПИСЧИКИ



ПОДПИСЧИКИ

*Маме и папе, которые научили меня,
что есть реальность*

Что? Ты что-то ищешь? Ищешь возможности умножить себя десятикратно, стократно? Ищешь последователей? Ищи нули!

Фридрих Ницше

Я знаю, какое огромное влияние оказываю на своих фанатов и подписчиков. Мне кажется, своим поведением, цветом волос, макияжем я неизменно даю начало колоссальным трендам и даже не понимаю, на что способна.

Кайли Дженнер

ПРОЛОГ

Марлоу

Нью-Йорк, Нью-Йорк
2051

Так, значит, эта женщина, кем бы она ни была, все еще доверяла почте. Войдя в здание, Марлоу первым делом увидела металлические ящики с окошками и затянутыми паутиной замочными скважинами.

Кармашки с именами жильцов были по большей части пусты, но на ящике, принадлежавшем квартире 6-Д, все еще сохранился вкладыш с именем, и оно совпадало с тем, что Марлоу в Архиве записала карандашом для подводки глаз. За маленьким квадратным стеклом ее ожидал небрежно брошенный в ящик белый конверт.

Марлоу вынула из прически невидимку. Волна упругих волос упала на шею и прилипла к потной коже. Эллис научил ее вскрывать замок на третьем свидании. «Откуда ты знаешь, как это делается?» — спросила она тогда, наблюдая, как он сгибает замок. Хотя они были еще плохо знакомы, Марлоу не сомневалась, что воровские навыки ему никогда не требовались. Они росли в одинаковых условиях.

«Я люблю играть на недостатках», — ответил Эллис. И двадцатидвухлетняя Марлоу, которая пере-

живала пору надежд, засмеялась и не усмотрела в этих словах дурного предзнаменования.

Она поковыряла согнутым кусочком металла в замочной скважине, пока не услышала щелчок. Дверца распахнулась, и из ящика выпал конверт. Марлоу сунула его в задний карман, закрыла ящик и направилась к лифту.

Пока она ждала кабину, обкуренный управляющий домом пялился на нее. Его высокий стол был предназначен для работы стоя, но мужчина сидел, и столешница орехового цвета находилась на уровне его воспаленных глаз. Он наверняка видел, как неизвестная женщина вскрывала замок, но не сказал ни слова.

Марлоу поднялась на шестой этаж. Двери нефритового цвета когда-то сочетались с ковром, теперь затоптанным до коричневы. Марлоу нашла дверь с потемневшей медной буквой «Д» и постучала. Никто не ответил. Она взялась за ручку. Та повернулась, и Марлоу вошла, ступив на аляповатый придверный коврик из черной резины с ярко-розовыми полосками. Марлоу поморщилась. Теперь, когда она снова ясно различала цвета, многие из них резали ей глаз. Она внезапно вспомнила о розах, переполнявших материнскую ванную непосредственно перед ее побегом. Вероятно, именно из-за этого Марлоу возненавидела розовый на всю жизнь.

В квартире никого не было. Пахло затхлостью. Когда входная дверь захлопнулась за ней, слева Марлоу увидела узкую кухню, обставленную дешевыми белыми шкафами. Три табуретки стояли под серым разделочным столом, отделявшим кухонный

уголок от длинного, метров шесть, неприглядного помещения, которое заканчивалось тупиком с голым окном, выходящим на Восьмую авеню. Какой домашний умелец выкрасил стены в такой тусклый белесый цвет? Цвет безликости, цвет пустоты.

Пухлый обшарпанный диван цвета топленого шоколада навел ее на мысль, что в квартире явно чего-то не хватает. На подушке, лежавшей ближе всего к окну, от солнца выгорел отчетливый прямоугольник, ставший бежевым. Раньше солнечный свет что-то заслоняло, подумала Марлоу, и у нее перехватило дух. Глядя на подушку, она ощутила зловещее чувство, словно обнаружила в доме постороннего, только ровно наоборот: обнаружилась как раз пропажа.

Она не знала, сколько времени пролежала на диване, трясаясь и пытаясь унять волнение после погони. Через минуту, а может, через час Марлоу села и взяла в руки конверт, который украла из ящика. Он размяк от времени. Выцветший штамп на лицевой стороне указывал, что письмо отправили из Лос-Анджелеса. Марлоу поскребла кончик пожелтевшего клапана, осторожно отклеивая его. Она не помнила, как открываются конверты.

Внутри лежали три листа детской писчей бумаги с тисненным наверху венком из маргариток. Над ним большими буквами были напечатаны слова, от которых по коже Марлоу побежали мурашки: «со стола МАРЛОУ». Раньше она никогда не видела таких бланков.

Создавалось впечатление, что это послание от сумасшедшего: листы были густо исписаны с обеих сторон, от края до края, без полей. Справа, там, где

автор не рассчитал место, плотно спрессованные слова просто умоляли, чтобы их услышали.

Марлоу попробовала прочитать письмо, но быстро осознала тщетность своих попыток. Оно было написано на другом языке с непонятными буквами — ритмичные петли, изогнутые хвостики, — а слова казались одновременно иностранными и знакомыми. Вот, например, это буквосочетание напоминает слово «свободный». А может быть, и нет.

Придется взять письмо с собой. Досадно: Марлоу и так уже выглядит подозрительно, а тут еще один предмет, привлекающий внимание. Она попробовала примерить на себя невозмутимое выражение лица: «Да, я как ни в чем не бывало ношу с собой бумагу. А что такого? Люди все еще пользуются ею для разных целей». Честно говоря, она бы и сама не поверила такому объяснению. В детских воспоминаниях Марлоу бумага ассоциировалась с нервозностью. У них в гараже на верхней полке стоял шредер, и каждый из родителей доставал его, когда другого не было дома. Мама обычно уничтожала чеки (которые по старинке требовала у кассиров в универмаге), чтобы скрыть от отца свидетельства своей алчности. Отец же скармливал измельчителю смятые салфетки, предварительно запомнив записанные на них имена и цифры. Марлоу удивилась: странно, что бумага, всегда обремененная секретами, оказалась такой легкой.

Стискивая в руке письмо, Марлоу услышала в коридоре приближающиеся шаги. Она подняла глаза и стала ждать, когда щелкнет замок соседней двери: видимо, человек, имевший полное право находиться здесь, вернулся домой. Но шаги звуча-

ли все громче и наконец стихли. Она увидела, как поворачивается стальная ручка входной двери — медленно, бесшумно, словно пришедший не хотел ее пугать.

Марлоу осторожно положила письмо на стол. Как там? Надавить на глаза, вдарить по яйцам? Вдарить по яйцам, надавить на глаза? И зачем только они с Жаклин напились перед уроком по самозащите? «Мы ведь все равно ходим туда ради забавы, — рассуждала Жаклин, отхлебывая коктейль из водки с мартини. — Если на тебя действительно когда-нибудь нападут, девайс подскажет, что делать».

Но у Марлоу больше не было девайса.

В другой раз на занятиях рассказывали, как обезвредить преступного робота. Но роботы почти никогда не нападали на людей, а потому подруги пропустили объяснения мимо ушей. Насколько Марлоу помнила, во время демонстрации приемов они с Жаклин возбужденно перешептывались, восхищаясь рельефными бицепсами тренера.

Если это робот, она врежет ему в бедро, где обычно находится механизм.

Если человек, вмажет по яйцам. Однако от мысли, что придется давить пальцами кому-то на глаза, ее затошнило.

Дверь подалась. Марлоу собралась с духом. Она пыталась принять несокрушимый вид, словно была сделана из невероятно прочного материала, крепче бесчувственного железа или сильного человеческого тела. В тот миг, когда дверь стала открываться, Марлоу вспомнила, как называется шрифт, которым было написано послание. Рукописный.